

С.Ю. ВИТТЕ - НАСЛЕДНИК Н.Х. БУНГЕ И И.А. ВЫШНЕГРАДСКОГО

S.YU WITTE AS THE SUCCESSOR OF N.KH. BUNGE AND I.A. VYSHNEGRADSKY

V. Stepanov

Annotation

The article deals with the problem of the continuity in the policy of the Finance Ministers of the Russian Empire N.Kh. Bunge, I.A. Vyshnegradsky and S.Yu. Witte in the late nineteenth – early twentieth century. Special attention is paid to the preparation of the prerequisites for a number of S.Yu. Witte's reforms – the measures on the peasant problem, the passing of factory legislation, the improvement of customs security, the introduction of gold monometallism in money circulation, the establishment of wine monopoly, the reorganization of the railway system and the building of the Trans-Siberian Mainline.

Keywords: Ministry of Finance, economic policy, legislation, reforms, continuity, N.Kh. Bunge, I.A. Vyshnegradsky, S.Yu. Witte.

Степанов Валерий Леонидович

*Д.ист.н., в.н.с.,
Институт экономики РАН,
Москва*

Аннотация

В статье рассматривается проблема преемственности политики министров финансов Российской империи Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте в конце XIX – начале XX в. Особое внимание уделяется подготовке предпосылок для ряда преобразований С.Ю. Витте – проведения мероприятий по крестьянскому вопросу, принятия фабрично-заводского законодательства, совершенствования таможенной охраны, введения золотого монометаллизма в денежном обращении, установления винной монополии, реорганизации железнодорожного хозяйства, строительства Транссибирской магистрали.

Ключевые слова:

Министерство финансов, экономическая политика, законодательство, реформы, преемственность, Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградский, С.Ю. Витте.

Сергей Юльевич Витте давно и навсегда вошел в анналы истории. Его личность и деяния неизменно вызвали интерес у исследователей, публицистов и политиков. Витте всегда уделялось гораздо больше внимания, чем какому-либо другому представителю высшей бюрократии имперской России. За ним закрепилась репутация крупнейшего преобразователя своего времени, "отца" отечественной индустриализации и творца первой российской конституции. Лишь немногие считают его приверженцем чуждого для России западного "биржевого" капитализма и разорителем крестьянства, готового пожертвовать коренными интересами собственной страны ради привлечения иностранного капитала. Однако при изучении многогранной деятельности Витте следует учитывать, что в ходе разработки и проведения экономических реформ он в значительной степени опирался на наследие своих предшественников – министров финансов Н.Х. Бунге (1881–1886 гг.) и И.А. Вышнеградского (1887–1892 гг.).

В мемуарах Витте писал, что "довольно сильно расходился" с Бунге "в вопросах экономических, финансовых и вообще в политических вопросах" [7, т. 1, с. 150, 151]. Однако это утверждение относится в большей степени к первым годам его министерской деятельности. От Бунге

Витте заимствовал интерес к вопросам социальной политики, и прежде всего – к мерам по укреплению крестьянского землевладения. На него оказали значительное влияние такие реформы этого министра, как понижение выкупных платежей, отмена подушной подати и учреждение Крестьянского банка. Бунге выступал за облегчение крестьянам выхода из общины и отмену ее фискально-принудительных функций, призывал к организации массовых переселений малоземельного сельского населения на окраины империи [23]. Но Витте потребовалось время, чтобы освоить эту сферу государственной политики, оценить взгляды и достижения своего предшественника. По собственному признанию, в начале своей бюрократической карьеры он слабо разбирался в укладе сельской жизни и придерживался славянофильских убеждений [7, т. 2, с. 43]. Вплоть до середины 1890-х гг. Витте был активным сторонником традиционного аграрного курса, ориентированного на сохранение в деревне патриархально-общинных отношений и сословной общности крестьян. Витте поддержал закон 14 марта 1893 г., который ограничил выход крестьян из общины, запретил залог и продажу надельных земель лицам других сословий. Накануне обсуждения этого проекта министр финансов даже составил записку в защиту общинного землевладения [26, с. 246–258].

Лишь спустя несколько лет Витте признал необходимость уравнения крестьян в правах с остальным населением и предоставления им свободного выхода из общины. "Тут мне помог многими беседами бывший министр финансов Бунге, почтеннейший ученый и деятельный по крестьянской реформе 60-х годов, – вспоминал Витте. – Он обратил мое внимание на то, что главный тормоз экономического развития крестьянства – это средневековая община, не допускающая совершенствования" [7, т. 2, с. 44]. Витте возобновил курс Бунге в области аграрного законодательства. В 1894 г. был принят новый закон о паспортах, облегчавший крестьянам передвижение в поисках заработка; в 1897 г. отменен взимавшийся с крестьян и мещан паспортный сбор; в 1895 г. утвержден новый устав Крестьянского банка, который предоставил ему права покупать земли за счет собственного капитала для перепродажи крестьянам; с началом сооружения Сибирской железной дороги Витте вместе с Бунге активно выступал за переселение крестьян в зону строящейся магистрали; в октябре 1898 г. он направил письмо Николаю II о необходимости индивидуализации крестьянского землевладения; в 1903 г. добился упразднения круговой поруки.

В качестве председателя Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1905 гг.) Витте высказывался за преодоление сословной замкнутости сельского населения и его включение в гражданское общество, предлагал ликвидировать фискально-принудительные функции общины, отменить все ограничения на свободу передвижения крестьянства, ввести принцип частной собственности на землю, поощрять переход к хуторскому и отрубному землевладению. В период премьерства Витте (1905–1906 гг.) были начаты преобразования в деревне – отменены выкупные платежи (с 1 янв. 1907 г.), пересмотрен устав Крестьянского банка с целью расширения его возможностей по кредитованию крестьянства (1905 г.), учреждены центральный Комитет по землеустроительным делам, губернские и уездные землеустроительные комиссии (1906 г.). По распоряжению Витте были разработаны "Основные положения для изменения законодательства о крестьянах", утвержденные Советом министров 15 апреля 1906 г. Результаты его деятельности позднее в полной мере использовал П.А. Столыпин, который продолжил аграрную реформу [24].

Витте возобновил политику Министерства финансов и в сфере фабрично-заводского законодательства. Ранее по инициативе Бунге были приняты законы об учреждении фабричной инспекции (1882 г.), нормировании труда малолетних, подростков и женщин (1882–1885 гг.), порядке найма и увольнения рабочих (1886 г.). При Витте последовали законы о преобразовании фабричной инспекции (1894 г.), ограничении продолжительности рабочего времени (1897 г.), ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими на производстве (1903 г.), предоставлении рабочим права выбирать

старост в качестве уполномоченных для переговоров с должностными лицами на предприятии об условиях труда и быта (1903 г.). Витте придерживался сложившейся во времена Бунге тактики финансового ведомства, которая диктовалась не только чисто охранительными целями (как в МВД), но и задачами торгово-промышленной политики. Руководство министерства требовало, чтобы все действия местных властей и полиции на предприятиях основывались на строгом соблюдении правовых норм, протестовало против фактов административного произвола и прямого давления на фабрикантов, которые могли привести к дезорганизации производства и отпугнуть иностранных капиталистов [27].

Витте открыто признавал, что основные принципы его реформ были сформулированы Бунге [11, С. 47, 48]. Он не раз говорил и писал о своем "глубочайшем уважении" к выдающемуся предшественнику и даже о "преклонении" перед ним [5, стлб. 2641; 12, с. 17]. В мемуарах Сергей Юльевич именовал Бунге "очень просвещенным", "в высокой степени образованным и почтенным" человеком, которого он как "ученого финансиста" всегда оценивал "очень высоко" [7, т. 1, с. 151, 532]. По указанию Николая II Витте получил экземпляр "Загробных заметок" – адресованное императору политическое завещание Бунге, обнаруженное после его кончины в 1895 г. [19, л. 163]. В этом обширном меморандуме бывший министр финансов высказал свои суждения по ряду коренных вопросов внутренней политики [3]. Витте назвал "Загробные заметки" "замечательной запиской" Бунге, "соединявшего со светлым умом и государственным опытом глубокие научные познания" [15, л. 70 об.]. Впоследствии он часто цитировал этот документ в своих записках и всеподданнейших докладах [8, с. 536].

С И.А. Вышнеградским Витте сотрудничал в 1878–1886 гг. в Обществе Юго-Западных железных дорог, а в 1889 г. поступил под его начало в Министерство финансов на должность директора Департамента железнодорожных дел [21]. Он разделял мнение своего патрона о необходимости расширения вмешательства государства в экономическую жизнь. Это отличало их от Бунге, который занимал по этому вопросу умеренную позицию и критиковал крайности этатизма. Витте принял активное участие в реформе железнодорожного транспорта. При его содействии была установлена монополия государства на проездные тарифы, под контроль правительства поставлены доходы и расходы частных железнодорожных компаний, развернулась операция по выкупу нерентабельных частных линий в казну. Вместе с тем Вышнеградский и Витте в союзе с Бунге, занимавшим пост председателя Комитета министров, единым фронтом выступили против позиции Государственного контроля и путейского ведомства, предлагавших провести полное огосударствление железных дорог. В итоге в России утвердилась оптимально соответствовавшая условиям страны "смешанная" системы железнодорожного хозяйства, при которой казенные дороги сосуществовали с высокодо-

ходными частными линиями [22, с. 59–66, 84].

Однако по вопросу о строительстве Сибирской железной дороги Витте решительно разошелся со своими предшественниками, которые считали этот замысел разорительным для казны, несмотря на ясно выраженную волю Александра III. Особенно резкую позицию занимал Вышнеградский. Он ссылаясь на тяжелое состояние денежного рынка, огромный объем чрезвычайных расходов на вооруженные силы и стратегические железные дороги в западных губерниях, нецелесообразность заключения внешних займов и другие причины. Министр финансов считал, что реализация подобного проекта может осуществляться лишь очень постепенно, а его полного завершения "возможно ожидать в более или менее отдаленном будущем" [13, л. 15–18 об., 29–36]. Тем не менее, в феврале 1891 г. император подписал указ о сооружении дороги, в марте начались работы на участке от Миасса до Челябинска, а в мае 1891 г. – между Хабаровском и Владивостоком. Однако из-за оппозиции руководства финансового ведомства дело продвигалось медленно [9, с. 73]. Поэтому при назначении Витте министром финансов Александр III настоятельно потребовал от него ускорить строительство Сибирского пути. И Сергей Юльевич, по собственным словам, "отдался этому делу всей душой, и все средства, которые только я мог давать на это дело, я давал". Он с гордостью писал в мемуарах, что "это великое предприятие было совершено благодаря моей энергии" [7, т. 1, с. 241, 242].

Витте проявил настойчивость и при введении винной монополии. В данном случае он также ревностно выполнял волю Александра III, которую, как и в случае со строительством Сибирской магистрали, саботировали его предшественники. В этом вопросе император целиком разделял позицию консервативных кругов во главе с издателем "Московских ведомостей" М.Н. Катковым, которые выступали за упразднение акцизной системы и переход к казенной продаже спиртных напитков. По распоряжению самодержца в первой половине 1880-х гг. в финансовом ведомстве с этой целью собирали необходимые материалы, однако сам Бунге "прямо признавал эту мысль почти неисполнимой и не могущей привести ни к каким благим результатам" [7, т. 1, с. 352, 353]. Вышнеградский, как ставленник Каткова, накануне вступления на министерский пост в своей программной записке горячо высказался за винную монополию, которая, по его мнению, позволит значительно увеличить поступления в казну [4, с. 194]. Однако после своего назначения он в беседе с Александром III, поставившим перед ним вопрос о питейной реформе, "дал императору если не вполне отрицательный, то во всяком случае весьма уклончивый ответ" [7, т. 1, с. 353]. Правда, в министерстве был разработан проект установления винной монополии в Пермской, Орловской и Ковенской губерниях в качестве пробного шага. Но дальше этого дело не пошло. Проведение реформы началось только при Витте, сумевшем преодолеть "громоздкие затруднения" в Государственном совете

в 1893–1894 гг. [7, т. 1, с. 352]. В ходе обсуждения его законопроектов Вышнеградский полностью поддержал преемника в полемике с Бунге и другими противниками монополии [16; 17].

Витте продолжил курс своих предшественников по ужесточению таможенной политики. Правда, Бунге по своим воззрениям не был склонен к "чрезмерному" протекционизму, но Вышнеградский действовал в этом направлении без колебаний. Он включил Витте в состав межведомственной комиссии для разработки нового тарифа, который был утвержден 11 июня 1891 г. и стал самым высоким в Европе по степени таможенной охраны. Если в 1889 г. пошлины по всем границам империи составляли 28,6% стоимости ввезенных товаров, то в 1892 г. – 33,1% [20, с. 271–363, 388, 389]. Однако тариф предоставлял всем импортерам равные условия ввоза, что затрудняло заключение отдельных соглашений, которые допускали значительные уступки, не распространявшиеся на другие страны. Между тем подобная практика получила широкое распространение на Западе. Поэтому, сменив Вышнеградского, Витте предпринял корректировку тарифа. 1 июня 1893 г. император одобрил систему двойного таможенного обложения, действующую одновременно, но дифференцированно по отношению к торговым партнерам. Минимальный тариф создавался путем конвенционных снижений ставок для стран, предоставлявших России право наибольшего благоприятствования, максимальный – путем надбавок в размере 15, 20 и 30% для остальных стран [10, с. 217, 218].

Плодами деятельности финансового ведомства в 1881–1892 гг. Витте в полной мере воспользовался при подготовке и проведении своей знаменитой денежной реформы. Правда, в мемуарах он всячески пытался принизить достижения министерства в этот период и подчеркнуть свою личную роль: "К этой реформе подготовляли наши финансы мои предшественники, как Бунге, так и Вышнеградский, но приготовления, сделанные ими, были сравнительно незначительны; в то время не был еще установлен окончательный план денежной реформы, даже в общих чертах, не говоря уже обо всех деталях" [7, т. 1, с. 464]. Однако реальные факты и неоднократные признания самого Витте, зафиксированные в различных источниках, опровергают это утверждение. При Бунге в министерстве сложилась концепция будущей реформы, суть которой заключалась в девальвации рубля и восстановлении металлического денежного обращения. Новым Монетным уставом 17 декабря 1885 г. золотая монета была впервые признана полноправным платежным средством. Тем самым в России де-факто установилась система золотого и серебряного биметаллизма. Серебряный монометаллизм в денежном обращении сохранялся лишь формально. По распоряжению Бунге на счетах Государственного банка началось сосредоточение золота, поступавшего в уплату таможенных сборов [23, с. 202–204].

Эту политику продолжил Вышнеградский. Ему удалось создать необходимые условия для будущей реформы:

стабилизировать финансы, сбалансировать бюджет, активизировать торговый и платежный балансы, повысить курс рубля и накопить солидный золотой запас [25, с. 54–65]. В министерстве были сформулированы основные принципы предстоящего преобразования: девальвация рубля; признание приоритета золота в обеспечении бумажно-денежной массы; одновременное обращение металлических и бумажных денег; гарантированный обмен кредитных билетов на золото; ограничение выпуска бумажных денег в пределах, не превышающих потребностей денежного обращения; предоставление права Казначейству принимать звонкую монету в уплату налогов по существующему курсу; разрешение частным лицам использовать металлическую валюту в отношениях между собой.

Тем самым Министерство финансов оказалось на пороге денежной реформы. "Дело считалось в 1892 г. настолько подготовленным, – вспоминал Витте, – что И.А. Вышнеградский перед оставлением своего поста собирался дать своим предположениям окончательный ход. Он мне лично передал объемистую собственноручную рукопись, в которой были изложены его мысли по сему предмету" [18, л. 780]. Однако Витте отнюдь не сразу последовал за своими предшественниками. В начале своей министерской деятельности он довольно плохо ориентировался в вопросах денежного обращения, был склонен решать финансовые проблемы с помощью дополнительных выпусков кредитных билетов и, по собственным словам, предпринял некоторые "непоследовательные шаги". И только под влиянием Бунге он изменил свою позицию [7, т. 1, с. 327, 328, 369]. "Идея восстановления золотой валюты, – вспоминал управляющий делами Комитета министров А.Н. Куломзин, – была внушена Витте Николаем Христиановичем Бунге, доказавшим ему всю ее настоятельность, необходимость дать полезное для финансов назначение накопленному в банке золоту и своевременность самой меры" [8, с. 491].

Впоследствии Витте признавался в своих прежних заблуждениях: "Когда я вступил в управление финансовым ведомством, я на опыте убедился в ошибочности своих книжных взглядов и в правильности той точки зрения, на которой остановился И.А. Вышнеградский, а с ним и все его предшественники" [18, л. 780]. В ходе подготовки денежной реформы в спорах с оппонентами Витте всячески пытался подкрепить свою позицию ссылками на политику Бунге и Вышнеградского. В письме к государственному секретарю В.К. Плеве от 10 марта 1896 г. он подчеркнул, что неуклонно следует курсу предшественников, которые заложили основы будущего преобразования, поэтому не может "принять высокой чести инициативы в мерах, мною принятых и тех, кои я предполагаю предложить принять в области денежного обращения" [14, л. 4–4 об.]. Бунге в качестве авторитетного экономиста, председателя Комитета министров и члена Государственного совета твердо пообещал Витте свое содействие в проведении денежной реформы и поддерживал его в высших

бюрократических инстанциях вплоть до своей кончины в 1895 г. [7, т. 1, с. 328, 465; 8, с. 501].

Однако введение золотого стандарта нельзя считать буквальным выполнением Витте заветов предшественников. После утверждения монетного устава 1885 г. суть будущей реформы могла заключаться в законодательном оформлении и усовершенствовании системы биметаллизма, которая действовала в большинстве западных стран. Эта монетарная модель была достаточно гибкой – она предусматривала сохранение роли серебра и не требовала высокой нормы покрытия кредитных билетов. За введение биметаллизма выступали некоторые видные экономисты, которые считали этот путь наиболее приемлемым для России [2, с. 102, 103]. Ни Бунге, ни Вышнеградский из осторожности не высказывались сколько-нибудь определенно за конкретный вариант металлического обеспечения денежной массы, полагая это задачей будущего. Французский премьер-министр Ф.Ж. Мелин в 1896 г. направил Николаю II записку, в которой доказывал преимущества действующей во Франции системы биметаллизма и ее целесообразность для России [7, т. 1, с. 371, 463, 464, 466, 469].

Витте пошел другим путем и выступил за золотой монетализм, существовавший в двух ведущих европейских странах – Великобритании и Германии. Английский вариант предусматривал 100%-ное покрытие золотом бумажных денег, которые фактически представляли собой золотые сертификаты. В Германии банкноты покрывались золотом только на одну треть, причем эмиссия не имела прямой связи с объемом золотого запаса. Казалось, что именно немецкий вариант был более подходящим для России, но Витте предпочел последовать британскому образцу. В итоге была принята 100%-ная норма золотого покрытия кредитных билетов, что очень дорого обошлось стране. Из-за жесткой связи золота и выпуска бумажных денег, эмиссия определялась не экономическими потребностями, а состоянием золотого запаса. В кладовых Государственного банка хранились горы желтого металла для обеспечения сравнительно небольшого количества кредитных билетов, которых постоянно не хватало для нужд народного хозяйства. Непроизводительное использование такого количества золота в условиях отсталой России было непозволительной роскошью.

Поскольку золотомонетное обращение могло существовать только при активном расчетном балансе, то правительство было вынуждено в небывалых масштабах привлекать иностранные капиталы и поощрять деятельность в России западных предпринимателей, создавая тем самым сильную конкуренцию отечественным производителям; еще более форсировать экспорт хлеба, несмотря на очевидное снижение его стоимостного эффекта; заключать за границей крупные займы, что вызвало стремительный рост внешней государственной задолженности. Введение золотого стандарта резко увеличило также сумму внутреннего государственного долга,

значительно обесценило материальные ценности и производительный труд в стране, особенно в сельском хозяйстве, привело к падению цен на продукцию земледелия. Система денежного обращения России была неустойчивой, она продержалась всего полтора десятилетия и прекратила свое существование с началом Первой мировой войны [1; 2, с. 110–115; 6].

Опора на достижения Министерства финансов в царствование Александра III позволила Витте осуществить новый виток социально-экономических преобразований и заслужить славу великого реформатора. Он умел учиться, усваивать чужой опыт и рационально его использовать. Вместе с тем его нельзя назвать эпигоном предше-

ственников. Витте достаточно быстро освоился в новой для него сфере государственного управления, стал проводить самостоятельную политику и, когда считал нужным, без колебаний отступал от линии Бунге и Вышнеградского, хотя это не всегда шло на благо экономическому развитию. Он продолжил курс на усиление вмешательства государства в экономику, ужесточение контроля над частным предпринимательством и расширение казенного хозяйства. В этом отношении Витте пошел дальше предшественников. Он вполне сознавал значение частного капитала для экономической жизни, однако, по сложившееся в "верхах" традиции, стремился использовать предпринимательство в интересах государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блажих И.А. Экономические взгляды С.Ю. Витте // Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист (К столетию десятилетия со дня рождения): в 2 ч. М.: Институт экономики РАН, 1999. Ч. 1. С. 179–208.
2. Бугров А.В. Золотой стандарт в России: выбор пути (1867–1897 гг.) // Экономические реформы: уроки истории. Сборник статей. М.: Институт экономики РАН, 2013. С. 89–115.
3. Бунге Н.Х. Загробные заметки // Судьбы России: доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб.: Лики России, 1999. С. 191–280.
4. Вышнеградский И.А. О задачах финансовых учреждений в деле устранения дефицита в государственном бюджете (1886) // Река времен. Кн. 1. М.: Эллис Лак; Река времен, 1995. С. 190–197.
5. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909–1910 годы. Сессия пятая. СПб.: Государственная типография, 1910. 4096 стлб.
6. Дубянский А.Н. Денежная реформа С.Ю. Витте: негативные аспекты введения в России золотого рубля // Экономическая история России XX века: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 2. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2000. С. 99–105.
7. Из архива С.Ю. Витте: воспоминания: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 1053 с.; Т. 2. 649 с.
8. Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 1038 с.
9. Лукоянов И.В. "Не отстать от держав...": Россия на дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
10. Министерство финансов: 1802–1902: в 2 ч. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. Ч. 2. 692 с.
11. Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
12. Протоколы по крестьянскому делу. Заседания Высочайше учрежденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности с 8 декабря 1904 г. – по 30 марта 1905 г. СПб., 1905. Протокол № 13.
13. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 268. Оп. 6. Д. 5.
14. РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1025.
15. РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 37.
16. РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. 1893 г. Д. 238.
17. РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. 1894 г. Д. 215.
18. РГИА. Ф. 1152. Оп. 12. 1897 г. Д. 78. Ч. I.
19. РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5493в.
20. Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века: в 2 ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 2012. 463 с.
21. Степанов В.Л. И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте: партнеры и конкуренты // Российская история. 2014. № 6. С. 39–60.
22. Степанов В.Л. Контрольно-финансовые мероприятия на частных железных дорогах России (конец XIX – начало XX в. // Экономическая история. Ежегодник 2004. М.: РОССПЭН, 2004. С. 25–94.
23. Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М.: РОССПЭН, 1998. 398 с.
24. Степанов В.Л. Политика финансового ведомства России по крестьянскому вопросу в конце XIX – начале XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1–2. С. 70–75.
25. Степанов В.Л. Предпосылки денежной реформы С.Ю. Витте: политика министра финансов И.А. Вышнеградского (1887–1892) // Отечественная история. 2004. № 5. С. 49–69.
26. Чернышев И.В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг.: Вольное экономическое общество, 1918. 384 с.
27. Puttkamer Jo. von. Fabrikgesetzgebung in Russland vor 1905: Regierung und Unternehmerschaft beim Ausgleich ihrer Interessen in einer vorkonstitutionellen Ordnung. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag, 1996. S. 506.